

В Рязанское художественное училище я поступил в 1955 году. Директором был тогда Сыров, старый художник, член Товарищества передвижных художественных выставок. Помню, собрал он нас, первокурсников, и сказал: "Вот вы приехали из разных районов и областей. Напишите картину с самыми сильными впечатлениями о своем крае". А у меня самое памятное это морозы: солнце садится во мглу мороза туманного, обоз идет из леса с дровами. Лошади заиндевели, пар из ноздрей, мужики в тулупах рядом с возами вышагивают. Снег закатом подцвечен, тени длинные ультрамариновые. Я и написал маслом, краски "напахал" пластами. Но впечатление передал. Сыров мне подарил за это книжку учебную "Начальные сведения по живописи" Белютина и набор красок. "А теперь, - говорит, - напишите самые тяжелые воспоминания". Я написал "Беженцы-нищие". Во время войны целыми деревнями собирать ходили. Вот я и написал: старуха с ребятишками, зима, проселок, санки с пожитками, козешка сзади плетется. Еще книжек подарил "Учебный рисунок", "Учебный натюрморт". Совет его помню: "Надо писать так, чтобы даже во Франции посмотрели и сказали: да, это Россия!"

В Рязани мне хорошо было - тихо, уютно, солнечно, как дома. В училище я больше с деревенскими общался: Алик Мотин, Федя Копытин. Федя тихий был, застенчивый - нравился мне. Володя Хмелев (Вдовиченков) покорила меня умом, эрудицией. Да и вообще курс очень был дружный: Стаська Бирюков, Володя Мартынов, Кочетков Виктор, Санька Максимов, Лева Павлинов, Петька Кожин, Роберт Шутов, Шмитько, Лёшка Артамощенко, Панин Виктор (голос у него красивый был, пел хорошо). Стаська Бирюков как-то взял меня на халтуру в поселке нового станкозавода. Идем по улице, парни навстречу. Вижу - разминаются. Стаська, говорю, сейчас бить будут, свернем пока не поздно. - "Поздно, уже заметили. Иди, не обращай внимания, пробьемся". И прошли прямо через них, они, видимо, не ожидали такой наглости. С Аликом Мотиным записались в Морской клуб. Под парусами ходили по Оке разлившейся. Шлюпки нам бесплатно давали, поехали с ним в Семчино. Десять километров на шлюпке прошли - все вода, разлив. Дома матушка хорошо встретила, за стол усадила. Пока сидели, стемнело. Обратном ночью добирались. Дождь пошел - ничего не видно. В Оку нас понесло - шум страшный вод великих. Заплыли на полянку какую-то - тишина, вода не колыхается, только зыбает вся полянка. Отдохнули маленько. Алик говорит: в водоворот ведь попали. Еле выбрались. А там, на колокольне, купол осветило луной, поплыли на него, в затон на Трубеже пришли: баржи стоят черные, громадные. Мимо них пробрались на стоянку шлюпок Клуба нашего, а там сторож говорит: думал, пропали, хотел в милицию сообщать. В училище пришли, там вечер был, танцы, а у нас мозоли кровавые. Алик тогда воспалением легких заболел, я в больницу к нему ходил, он "Декамерон" Боккаччо читал (а последний раз в Рязани был - нет Трубежа-то, канава какая-то). Потом мы с ним в Касимов попали в Дом отдыха. Нас оставили от колхоза оформлять что-то, а председатель профкома пришел: две путевки прогорали, нас и отправили. Этюдниги взяли и поехали. Пожрали хоть по-человечески. После армии к нему заезжал, зимой. Обратном полем иду, а там собаки пустовали - штук двадцать стаяй бегали. Сучёнке (их сейчас "девочками" зовут почему-то) захотелось меня обнюхать. Вся стая меня окружила, зубы скалят, а я замер, стою, не шевелюсь. Ей надоело, видно, на меня смотреть, побежала. Все мимо меня прошествовали, и каждая норовит меня задеть. Убежали. К Андрею Николаевичу заходил. Поросеночка матушка у него заливного под хреном сделала. Книжку он мне подарил "Техника живописи" Богуслава Сланского (дата на дарственной: 5.11.63 - как раз из армии пришел).

У Петьки Кожина отец машинистом работал. Взял нас на паровоз. Петька из тендера уголь сбрасывал, я в топку швырял. Поезда отец до Фруктовой водил. Лёвка Павлинов богатырь был - гвозди троетёс пальцами гнул. Невозмутимый был парень. Сашка Максимов в Смоленске в гимнастической секции занимался, пластичный был парень.

Записались мы с ним в "Спартак" в секцию. До третьего разряда дошли. Тренер Хайцан был, армянин. А до этого Санька Куманьков меня в лыжную секцию сманил, тоже до третьего разряда добегался. На втором курсе, помню, соревнования областные по профсоюзу культуры были. У Саньки первый разряд, у второго (не помню сейчас, кто) - второй, у меня - третий. Беги, говорят, на пятнадцать для командного зачета. Я и побежал. А апрель был, снега нет, одна лыжня наезженная белеет. Догоняю парня: уступи, говорю, а он: нет, я вперед тебя вышел. Так по земле голой его и обогнал. Третье место тогда по области занял в личном зачете, грамоту до сих пор храню. Лёшка Артамощенко боксер был классный. Я лапы держал, а он удары отрабатывал. Валяй, говорю, по прессу (а я гантелями занимался, пресс, как кирпич был). Лёшка рассказывал: в детстве, говорит, слабый был, болезненный. Парень его избил. Он и занялся боксом. Потом уже встретил парня-то, бить не стал - слабый он, говорит. В Кирове Лёшка работал, секцию вел. Убили его там.

На первом курсе в колхоз нас отправили. Жили у тетки - пол земляной, печку навозом топили, щи варила желтые, навозные, а вкусные, черт возьми. Парни там (зона поселения после отсидки вокруг Рязани была). Парнишка маленький подходит к Витьке: "Закурить дай!". Витька не курил: иди, говорит, отсюда, толкнул его. Вечером сидим, заходят парни, пацаненок тот с ними. К нам встали по бокам, ножи достали. Главварь спрашивает: "Который". Мальчишка показал. Тот берет Витьке под горло нож поднес, к стенке его приставил, водит ножом по рубашке, по груди. Зачем, говорит, маленьких обижаешь. А сам шепелявит - язык он в зоне проиграл в карты, ему кончик языка отрезали. Хозяйка схватила ухват, под горло бандита подцепила и на улицу выгнала. Они на чердак залезли, яблоки у нее вяленые забрали, нас все на улицу вызывали. Витька здоровый был, говорит, мог его пришибить, да на нас посмотрел, а мы как кролики замерли - не помощники ему. Так и стерпел. А потом ничего, больше не грозили. Витька в Узбекистане жил, посмотрелся, говорит, на таких ухарей, бывал в переделках.

Володя Шмитько меня на симфонические концерты водил. Ойстрахи отец с сыном тогда только из Америки приехали, скрипачи. Были мы на встрече с ними. Роберт Шутов на первом курсе мне показался вообще верхом мастерства художника. Сидели на занятиях (на Щедрина-5 тогда занимались). Сидят ребята, рассуждают об искусстве, о направлениях разных. А я и слыхом не слыхал, что какие-то направления есть. Роберт меня спрашивает: "Ну, а ты кем будешь, когда выучишься?" Я, говорю, ходунистом буду. Ох, и смеялись ребята. А ведь так и вышло. Тридцать с лишним лет по деревням ходил, песни записывал, сказки, баллады, песни исторические, бытовые, гадания, заговоры. Шесть книжек написал. Ну, конечно, все на свои средства выпускал. Одну только Питерский миллионер выпустил в издательстве. Ну и ладно, зато все книжки расхватили, у меня у самого-то по дежурному экземпляру осталось. Потом уж я понял: можно, конечно, у художников внешних приемов набраться, но это не мастерство. До всего надо своим трудом упорным доходить, отработать все элементы грамоты. Голодновато было. Мы с Сашкой Максимовым как-то решили заработать на обед. Нанялись дрова пилить. Пилили, пилили, не смогаем. Хозяйка вышла: "Идите хоть покормлю вас". Поели мы, да и уснули за столом-то. Она выдала нам по пять рублей: "Идите, - говорит, - работнички".

Преподаватели в училище чудесные были: Николай Григорьевич Романов, Григорий Николаевич Раков, Куракин Василий Егорович, Борис Петрович Кузнецов. Молчанов Андрей Николаевич вообще кумир был. На первом курсе глаза мне открыл на живопись. Были мы в колхозе. А я степь первый раз увидел (у нас тайга). Поразили меня просторы рязанские. Стою, глазею: ширь такая! Андрей Николаевич заметил, подошел: "Ошеломило?" - "Ага. Как можно такое пространство передать?" А ты, говорит, раздели это пространство на несколько полосок (планов) и посмотри, как цвет этих полосок меняется в глубину. А небо представь, что это занавеска повешена, вот и смотри, как она "раскрашена" сверху донизу. "Спектр, - говорю, - получается". - "Вот, вот. Только он может быть из чистых красок, а может быть из серых, почти бесцветных. А между ними

тысячи вариантов". И посоветовал мне взять в библиотеке училищной книжку С.Алексеева "Основы цветоведения для художников" издания 20-х годов. Вот уж я дорвался до чистой живописной науки о цвете! Там все: характеристики цвета, свойства цвета - и все это в таблицах и с упражнениями для художника. Целый год я упражнялся по ней. Видеть контрасты и взаимодействие учился. Да и увлечение было большое набросками и этюдами. Особенно мы с Аликом Мотиным по этой части сдружились. Еще был Аксенов Валерка - взахлеб работал. Рая Киселева, та просто "купалась" в живописи - талантливая была. Володя Хмелев поразил меня эрудицией и философской мудростью. Надо же, думаю, семиклассник, а Маркса осилил, Тамерлана читает. И вообще, мир, который окружал меня в Рязани, напоминал мне обстановку дворянской интеллигенции 19 века - времен Добролюбова, Белинского, Некрасова. Андрей Николаевич маме моей ровесник был, тоже в гимназии учился. Я ему рассказывал, как мама в гимназии училась: неделю только на французском разговаривали (без грамматики, на слух просто ловили смысл), неделю на немецком, неделю на английском и неделю - на русском. Так что разговаривала она на всех языках, а преподавала в школе немецкий, хотя, как она говорила, когда война началась в 1914 году, немецкий отменили - ура, дурочки, кричали. Андрей Николаевич: "Правда, правда, - говорит - все так и было". Все приветы матушке посылал, когда я на каникулы уезжал. Мне помогал (то в гости пригласит, с мамой своей познакомил), покормит. Денег давал, но так деликатно умел это сделать, что меня не обижало.

Потом, после армии, я ребяташек набрал в Шахунье, бегал с ними на этюды, школу художественную открыл. За годы работы программа сложилась. Её Министерство культуры к публикации рекомендовало, только предложили мне по ней практикантом быть, а коллектив методкабинета авторами. Я сначала-то согласился, а когда мне прислали на рецензию экземпляр, там меня вообще нет - вроде бы как я просто рецензентом у них был. Да и нахватили они туда от Неменского, еще от кого-то. Я, конечно, не согласился. Так что только в 2008 году Нижегородское училище попросили программы для себя: "У нас, - говорят, - нет такого". А из художественных школ от Южно - Сахалинска до Москвы их переписали (школ двадцать по ним работают). Сейчас послал в РХУ в подарок. Там я и Андрея Николаевича помянул. Из выпускников Шахунской ДХШ Рязанское училище закончили Римма Теплыгина, Володя Корнилов, Гусарова Наташа, Воробьева.

На большую картину решился после армии. В армии часто село свое вспоминал. Лето, конец июня: зной, марево; а вечером: закаты чистые, слепящие, и луна светит - серпиком над самым горизонтом, там, где солнце село. Небо - калёно-красное, а луна - зелёная, как неоновая лампа. Светит - глаза слепит. Заря сквозь листву полыхает. По краю веток и абрису крон деревьев - сполохи контрастов и контражуров, как зарницы, играют: вспыхивают, мерцают, плывут. Не просто светят - живут, как светлячки. По дороге коровы идут - сытые, ленивые, теплом от них веет: за день накалит - как печи горячие. Заря сквозь пыль розовит низ домов и деревьев. Тишина, покой. Ни суеты, ни тревог - благодать! Приду, думаю, из армии, напишу такую картину. Из армии пришел, подрамник соорудил 145 на 130, холст натянул, загрунтовал. Взял флейц широченный, да как закатил - минут за пятнадцать, ну, от силы, за полчаса намахал я эту холстину. Получилось. То, что хотел: фейерверк вспышек и сполохов цвета, игра солнца сквозь листву - всё соответствовало энергии моего вдохновения. И решил я ее на выставку представить. С другом моим, Колюхой Мешковым, в электричке до Горького довели, взяли гробовозку в Канавинском похоронном бюро - катафалк с черными занавесками. Довезли до выставкома в Студенческом переулке. Выставили. Тишина: "Кто за? - Председатель спрашивает. - Никто. - Кто против? - Никто. - Убирай". После выставкома все подходили: кто советует урезать сверху-снизу да с боков - "центр хорош", кто - небо "пригасить". Ким Шихов (председатель СХ) говорит: "Если твою работу вывесить, надо все остальные снимать - дико больно". Касьянова посоветовала на натуру вывезти, и прописать

поподробнее: веточки, сучочки. А я, говорит, над тобой шефство возьму, в Союз пройдёшь (она тогда в Семёнове, вроде бы, жила). Я, дурак, и послушался: в автобус холстину взвалю, да в Хмелевицах на закате выставлю. Пишу. Чувствую - умирает картина-то, вместо живых вспышек - веники деревьев да неба панель туалетная. С неделю я ее губил, пока и сам не скис окончательно. Хотел счистить - поздно уже. Так и загубил свою мечту армейскую о картине радостного фейерверка света солнечного. Подарил ее Дому культуры Хмелевицкому. Повесили в фойе. Через год приехал, смотрю - белая она, как стена. Что, хоть, спросил, сделали? А потолок белили, дак из краскопульта всё и залили. Отчистил, брату в гараж повесил. Через год приехал - вся в мазуте: "Мужики, - брат говорит, - шофера да трактористы больно хвалят тебя, когда выпьют дак. Всё лапами-то по картине колотят". Мишуха, брат, унес ее на веранду, приколотил на стену гвоздями-двоетесом прямо через холст. Мужики и там добрались - весь холст проломали. Так, в конце концов, склеил я жесткое основание и закрепил на него полотно это. Пусть живет. Только понял я с тех пор, что картина заканчивается тогда, когда замысел сумел воплотить - и ни мазка больше класть нельзя". На выставке в Москве в Манеже потом Василия Егоровича Куракина встретил. "Козырёнок, - кричит! - (он Бориса, брата моего, Козырев звал, а меня Козыренко)! Иди сюда. Сидит на стуле: "Это там Рязанская мадонна, что ли? - костылем показывает. "Нет. "Партизанская мадонна" Савицкого". "Ну-ну. Ну, как ты?". Рассказал я ему историю с холстом своим. Наверное, говорю, далеко я от центра забрался, не понимают меня. Он и говорит: "Вот поставят планку и протаскивают каждого под ней. Не подходит - согнут да протащат. Еще дальше надо уйти. И в следующий раз за что ругали, еще в десять раз сильнее сделать - нате вам! Вот тогда художником будешь! А так будешь, как все - никем то есть".

Закончил я потом Репинский (Академию) искусствоведческий факультет (заочно, конечно, семья уж была). По деревням ездил, фольклор собирал: исторические песни, баллады бытовые, хороводы, свадебные, поминальные, сказки, легенды, гадания, заговоры. Собралась коллекция сарафанов, полотенец, предметов быта и хозяйства. Музей открыл.

На выставках участвовал в Нижнем Новгороде (Горький тогда). Из Рязанских там Холуев Володя был, меня хорошо привечал, как земляка родного. На Большую Волгу, помню, шесть работ у меня взяли. Приехал на открытие, а работ моих нет. Набрали, говорят, более 3000 работ, а зал рассчитан на 600 работ. Но если прошел, значит, участник, работы где-нибудь по Волге ходят. Через два года только нашел их под лестницей в Союзе. Там целая гора их валялась. Больше я на выставки работы не отдавал. Создали мы свой Союз "Север" в 1978 году, объединение преподавателей художественных школ Шахунья, Ветлуги, Урень, Тонкино, Шаранги. Я председателем был этого союза ровно тридцать лет. Осенью 2008 года торжественно отметили (выставкой, конечно, перед этим) тридцатилетие Союза нашего. Выставки передвижные делали по кругу: Шахунья, Урень, Ветлуга и т.д. Сейчас в Союзе нашем еще Красные Баки, Семёнов, Варнавино - в общем, Север. Журнал свой выпускали. Отпечатали на множительном аппарате в 1979 году. Со статьёй 190-прим познакомили меня тогда под роспись (в те годы это, оказывается, преступным деянием было). Победила наша увлеченность и сплоченность на творчестве.

Три работы у меня разместились в Национальной галерее Республики Коми, 24 работы приобрел Учебный Центр народных ремесел в Вьльгорте (Сыктывкар).

Крепкие, надежные профессиональные навыки и знания дало нам Рязанское художественное училище, вполне достаточные для дальнейшего самостоятельного творчества. От имени выпускников 1960 года поздравляю родное училище со славной датой - девяностолетием со дня открытия, желаю продолжать и поддерживать славные традиции российской школы обучения!

Олег Козырев, выпуск 1960 года